

После довольно утомительно-го пути из Наггара в Лех с пересечением пяти перевалов через высокие хребты Западных Гималаев (см. предыдущую статью в ТрВ-Наука № 182 от 30 июня 2015 года) к вечеру 16 июня мы прибыли в город Лех — столицу древнего королевства Ладак, а ныне административный центр одноименного округа штата Джамму и Кашмир. Остановились в тихом зеленом уголке, в небольшом отеле рядом с центром города. Следующий день ушел на оформление пропусков в пограничные районы и отдых.

Добравшись до Леха, в соответствии с первоначальным планом экспедиция разделилась на три группы. Одна из них направилась на запад Ладака, а две другие — на восток, к большим озерам на западной окраине Тибета. В своем верхнем течении великий Инд представляет собой сравнительно небольшую реку, быстринами и перекатами струящуюся среди тесных ущелий и каньонов. В расширениях долины уютятся зеленые оазисы, а на скалах живописно расположились монастыри. Здесь и там берега реки соединены шаткими подвесными мостами.

Маршрут нашей группы лежал на юго-восток, вдоль верховьев Инда к озеру Цоморири. Это озеро, как и другие крупные озера в бассейне верхнего течения Инда, лежит вне разработанных туристических маршрутов Ладака — территории и без того труднодоступной.

На многочасовом пути к цели мы сделали короткую остановку в селении Чуматанг (Chumathang, 4040 м). Здесь берег Инда образован подножием крутого склона. Прямо из галечного берега бьют небольшие гейзеры. Их температура 70 °С — вполне достаточно для кипения на данной высоте. По нашим измерениям, температура воды Инда вблизи ключей достигала +35, на удалении трех-пяти метров от берега +20, а в самой реке — только +8 °С. На теплом мелководье носились косяки мелких рыбешек, а илистое дно было покрыто массой мелких брюхоногих моллюсков.

Вблизи селения Махе (Mahe) пересекли Инд и по узкому, заросшему тамарисками ущелью реки Палдонг-чу (Paldong Chu) начали подъем к котловинам озер Тадсанг Кару и Цоморири [1]. На этом пути недалеко от дороги встретили пару пасущихся киангов (*Equus hermonius kiang*), стадо горных коз (*Capra ibex*) и небольшую колонию гималайских сурков (*Marmota himalayana*).

За пологим перевалом Намашанг (Namashang La) открылся вид на просторную котловину небольшого соленого озера Тадсанг Кару (Thadsang Karu). На ее пустынных пологих склонах бродили

Кианги близ устья реки Палдонг-чу. 18 июня 2015 года

многочисленные стада овец, яков. Здесь и там виднелись стоянки пастухов и сами пастухи верхом на конях. Здесь мы оказались в особой географической области Ладака, называемой плоскогорьем Рупшу (Rupshu) и населенной скотоводами кхампа (Khamtra) — особой этнической группой кочевников тибетского происхождения. Их отличительная бытовая черта — острокопечные белые шатры, часто покрытые черным навесом.

Вскоре за широким горным проходом стала видна еще более обширная котловина озера Цоморири. В 1875 году здесь бывал русский живописец Васи-



Озеро Цоморири близ селения Корзок. 18 июня 2015 года

В озерном краю Восточного Ладака



Лев Боркин

Лев Боркин, Александр Андреев, Центр гималайских научных исследований Санкт-Петербургского союза ученых

лий Верещагин, который, как сейчас признано историками, был не только знаменитым художником, но и военным разведчиком. В эпоху противостояния Российской и Британской империй

в Центральной Азии его появление в этой труднодоступной даже в наши дни области было, скорее всего, не случайным. Соперничество секретных служб обеих империй в западной исторической литературе получило название Большой игры — *the Great (Grand) Game*. Граф Нессельро-



Александр Андреев

де, российский министр иностранных дел, называл это противостояние Турнирами теней.

Британские «ужасы» русской угрозы остались в далеком прошлом. Ровно через 140 лет после Василия Верещагина на берегу озера

Цоморири нас встретил индийский военный патруль. Проверив пропуска, вежливые люди с автоматическими винтовками поинтересовались количеством фотокамер, числом навигационных приемников (GPS), топографических карт, наземных и спутниковых телефонов, которыми мы располагаем. Из всего этого перечня только использование спутниковых телефонов категорически запрещено иностранцам на территории Индии; у нас их и не было. Удовлетворившись полученными ответами и узнав, что мы из России, военные подняли шлагбаум: путь в единственное открытое туристам селение Корзок был открыт.

Деревня — единственный центр оседлости скотоводов-кочевников кхампа — разместилась на левобережном склоне ущелья, открытого к озерной котловине пологой поверхностью аллювиального происхождения. Несмотря на изрядную высоту местности (4560 м), этот склон заботливо распахан и засеян земледельцами. Семейные участки разделены каменными изгородями, к каждому полевому наделу подведен желобок оросительной системы. Пустынные склоны гор, за исключением скалистых и очень крутых участков, заняты пастбищами. Если не считать нескольких новых строений — гестхаусов — и палаточного городка для туристов, сам Корзок сохранил первозданный вид, невольно возвращающий путника в средневековье. Наблюдаются квадратные серые одно- или двухэтажные постройки из кирпича-сырца с плоскими крышами, украшенными рогатыми черепами яков (местный символ благополучия) и тибетскими флажками. ▶



Ущелье в верхнем течении реки Инд. 18 июня 2015 года



Маленький кхампа. Плоскогорье Рупшу по дороге на Цоморири. 18 июня 2015 года



Горячий гейзер на берегу Инда. Чуматанг. 18 июня 2015 года



Стадо горных козлов-ибексов на берегу реки Палдонг-чу. 18 июня 2015 года



Стоянка кочевников близ озера Цоморири. Плоскогорье Рупшу, 4680 м. 18 июня 2015 года

► Жилища и хозяйственные постройки соединены узкими улочками, достаточными для прохода коровы, яка или осла. Местные жители и ламы в багряных одеяниях, встречавшиеся по пути, дружелюбно приветствовали нас восклицанием *Julley!* На обочине дороги, сидя у ткацкого станка, пожилая женщина ткала ковер. Чуть поодаль уже готовые и выстиранные ковры сохли на изгороди из жердей и колючей проволоки.

Осмотрев несколько домов, мы выбрали для ночлега двухэтажную постройку в тибетском стиле с гордым названием *Goose House* («Обитель горного гуся»). Получив столь завидных постояльцев, ее неказистая с виду хозяйка приосанилась и горделиво шла вместе с нами по единственной в деревне улице, не без радости лоя завистливые взгляды своих менее удачливых соседей — хозяек отелей «Индийский журавль» и «Озерный вид».

На первом этаже «отеля» жили хозяйка, размещалась кухня и гостиная с богатым набором кухонной утвари. Второй этаж — «номера» для постояльцев с потолком из тополевых жердей и тальниковой лозы. В коридоре — квадратный люк и лестница для выхода на плоскую крышу. В этой части Ладака основная масса осадков выпадает зимой в виде снега, и нужда в более сложной конструкции отсутствует. На крыше тибетского жилища можно найти всё необходимое для обыденной жизни его обитателей: запас дров и «экологического» топлива, в изобилии производимого яками и другими копытными и высушиваемого в виде «котлеток» диаметром 30 см. Есть канистры с горючим, копны сена, тарелка спутниковой связи. В последние годы широко распространение получили солнечные батареи.

ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА.
КОРЗОК.
18 июня 2015 года



Быстро смеркалось и холодало. На ужин мы расположились в прохладной гостиной. Внимательная хозяйка любезно пригласила нас пройти на кухню — в меньшее, но достаточно просторное помещение, где было значительно теплее. На старинном примусе варилась *тукпа* (похлебка из баранины с лапшой), на печке грелся чайник. В углу под лампочкой сидела мать хозяйки. Это была



СЕЛЕНИЕ КОРЗОК, 4560 м. 19 июня 2015 года

пожилая женщина с темным, загорелым лицом, которая после взаимного приветствия повела с нами спокойный, полный достоинства разговор. На ее коленях грелся теленок, ее шея была украшена коралловым ожерельем, в ушах светились серебряные серьги.

Из неторопливой беседы (переводчиком с ладакского был наш водитель Али-Мухаммед) мы узнали, что деревня с октября по март укрыта метровыми снегами, озеро полно-

стью замерзает только в декабре, к весне толщина льда достигает полутора метров и в озере водится мелкая рыба. Отметим, что тибетские жители рыбу не едят.

Бессточное соленое озеро Цоморири (буквально «высокое озеро богини») лежит на высоте 4540 м среди обширной межгорной котловины, окруженной заснеженными гребнями гор, безжизненными каменистыми осыпями, пустынными предгорьями и ущельями. Пики гор достигают высоты 6210–6650 м. В лучах восходящего солнца золотистые вершины хребтов контрастировали с красновато-коричневыми и охристыми склонами гор, отражались и преображались в ультрамаринном, если не фиолетово-черном зеркале



КОТЛОВИНА ОЗЕРА ЦО-КАР. 19 июня 2015 года

ки (*Phrynocephalus theobaldi*) — вида, описанного в середине XIX века как раз из этого района. Отсюда же британским путешественником и торговым агентом Уильямом Муркрофтом

РАЗГОВОР ПЕРЕД УЖИНОМ НА КУХНЕ.
18 июня 2015 года



ПАРА ИНДИЙСКИХ ЖУРАВЛЕЙ. ЦО-КАР.
19 июня 2015 года

был в 1812 году описан упомянутый выше *кианг* — удивительное животное, родственное диким ослам и лошадям. В котловине озера Цоморири оба этих вида благоденствуют до сих пор.

Наш дальнейший путь лежал на север, к другому горному озеру Цо-Кар (Tso-Kar, 4500 м). Дорога к нему заняла полдня, оказалась довольно утомительной и практически безлюдной. Она пересекала солончаковую долину и термальное поле Пуга (Puga thermal field), поросший караганой перевал Поло-Конгга (Polo Kongka La, 5000 м), отделяющий истоки реки Палдонг-чу от водосбора озера Цо-Кар. На спуске в его котловину дорога шла через раскаленные под солнцем песчаные холмы, сухие русла водотоков, нагромождения валунов и каменистые осыпи — пейзаж в целом безжизненный и угрюмый, но только не для натуралистов.

То, что на карте было очерчено и названо озером, на местности выглядело крайне необычно. С холмов, обрамляющих южную часть цокарской впадины, нашему взору открылся равнинный пейзаж, состоявший из белых (соль), зеленых (трава) и серых (лесс) полос и пятен. Эта мозаика окружала сравнительно небольшое пространство открытой воды. Ее контуры растворялись в спящем знойном мареве. Здесь и там кружились столбы пылевых вихрей. С западной стороны цокарскую котловину охватывают заснеженные горные цепи Занскарского хребта, к северу уходит пологая, пустынная равнина. Днем на ней пасутся стада овец, а после захода солнца появляются киянги.

Выводок горного гуся

гусей (*Anser indicus*), летали буроголовые чайки (*Larus brunnicapillus*) и утки-огари (*Tadorna ferruginea*).

Около недели назад у горных гусей появились птенцы. Выводки желтовато-серых гусят-пуховичков держатся с родителями вблизи береговой черты озера, а холостые птицы летают кормиться на ячменные поля вблизи деревни. В компании гусей по свежим зеленым бродят красноклювые клушицы (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) и скалистые голуби (*Columba rupestris*); от наших сизарей они отличаются широкой белой перевязью на хвосте.

Если перед восходом солнца температура воздуха опускалась до -2°C и ручьи, впадающие в озеро, покрывались коркой льда, то к полудню воздух нагрелся до $+25^{\circ}\text{C}$, а на почве и камнях было уже $30-35^{\circ}\text{C}$. Одна из задач нашей поездки к озеру Цоморири состояла в обнаружении так называемой тибетской круглоголов-

озерных вод. Интересно, удалось ли Василию Васильевичу Верещагину запечатлеть эту несравненную палитру в своих этюдах?

Протяженность озера — 19 км, ширина — 3 км, глубина — 105 м. В озеро впадает множество ручьев и речек, при их устьях образуются дельты, косы и болотистые участки, привлекающие околотовных птиц. На рассвете нового дня (18 июня) вдоль береговой черты ходили и плавали выводки горных

Северная часть озерной впадины занята холмистой поверхностью, сложенной рыхлыми наносами бледно-серой окраски. Эта пылеватая толща изрезана извилистыми оврагами глубиной 10–12 м. Их днище занято влажными лугами, озерками, лужицами и ручьями, текущими в сторону озера. Отложения этой холмистой поверхности более всего напоминают оттаявшую «едому» — аллювиально-золотые накопления приледниковых областей Якутии. Судя по всему, и здесь не обошлось без участия ледников и сильных ветров. Вдоль границы пустынных предгорий и «гималайской едомы» тянется неровная полоса влажных лугов, неглубоких водоемов, рыхлых останцов и соляных полей — идеальное местообитание для околотовных птиц. И в самом деле, здесь держались кулики-травники (*Tringa*), паслись стаи горных гусей и летали уже знакомые нам огари. Эти виды птиц характерны для всей Центральной Азии, например Киргизии и Памира. Среди этой «мелочи» бродила пара черноголовых журавлей (*Grus nigricollis*). Эта птица — особая достопримечательность Ладака, она относится к уязвимым видам.

На заходе солнца мы вынуждены были покинуть столь понравившееся нам место — в этом селении не было ночлега для иностранных туристов. Но стартовать оказалось непросто. Нашу машину окружила толпа любопытствующих мужчин в разнообразных одеждах и с весьма разнообразными лицами. Среди них выделялся воинственного вида бородач в камуфляжной одежде с выразительным носом. Этот «полевой командир» почему-то выражал наибольший интерес к нашим делам, и нам не без труда удавалось уходить от его излишне назойливых расспросов.

Между тем солнце скрывалось за заснеженными гребнями хребтов, кочевники собирали стада яков, овец и табуны лошадей возле своих шатров. Дорога круто шла к перевалу Тангланг (Tanglang La, 5300 м). Проехав его уже в глубоких сумерках, машина быстро снижалась серпантинными северного склона Занскарского хребта. В небе ярко зажглись звезды. В далекой глубине ущелья светились редкие огоньки селений. Там мы надеялись найти ночлег.

Ом мани падме хум!

ТрВ-Наука — информационный партнер СПбГУ по Гималайскому проекту.
Все фото — А. В. Андреева

1. Tso — по-ладакски озеро, La — перевал.